

Юлия Тупикина

Как написать хорошую пьесу для детей или подростков

Я решила написать этот текст не для того, чтобы дать ответы, скорее, чтобы вместе подумать. Но если вы не любите лонг-риды, то вот ответ: надо родиться талантливым писателем и много практиковать.

Вторая часть фразы – правда, а первая – неизвестно, потому что талант – это то, что становится ясно только со временем, и не самому автору судить, его дело упорно работать. И надеяться, что царь Сизиф был прощён и камень таки перестал скатываться с горы.

Какое-то время я была ридером и куратором международных драматургических конкурсов. Ридер (как и куратор) – это сеть, которая пропускает через себя полный сюрпризов, как воды Ганга, поток (в детскую номинацию нынче прислали 232 пьесы), чтобы поймать крупную рыбу – действительно интересные тексты. И если раньше в поле моего внимания попадали пьесы в основном для взрослых, то в этом году только те, что написаны для детей и подростков, концентрированно, и стало понятно, как у нас (в русскоязычном пространстве) обстоят дела с такими пьесами.

Многие тексты, из не вошедших в лонг-лист, откровенно вторичны, архаичны, написаны как будто по мотивам не лучших советских мультфильмов и книг. Что нам говорят эти тексты? Они, как правило, авторитарно назидательны, призывают детей к послушанию и чистоплотности, к порядку в комнате и хорошим оценкам в школе (других-то проблем нет), взрослые там всегда правы, это безгрешные и никогда не ошибающиеся боги, а часто просто картонки, персонажи говорят скучно, архаично, используя клише середины XX века, да и самих персонажей не назовёшь свежими – милая, правильная девочка-кокетка, мальчик-хулиган и хороший правильный мальчик.

Складывается впечатление, что авторы таких пьес вообще вне культуры (литературы для детей и подростков, кино, анимационных фильмов) последних 50 лет, а то и больше, не говоря уже про высокую литературу последних столетий. А между тем современная пьеса должна быть не хуже, чем любая хорошая книга/кино/анимация – потому что иначе в театр эти самые дети и подростки просто не придут. Театры же не смогут влюбить в себя лишь «Алисой в стране чудес» или «Чучелом» - сколько можно показывать одну и ту же пару-тройку историй.

КЛИШЕ

«Удел среднего писателя, - говорил Набоков, – раскрашивать клише: он не замахивается на то, чтобы заново изобрести мир – он лишь пытается выжать всё лучшее из заведённого порядка вещей, из опробованных

другими шаблонов вымысла. Настоящий писатель, который заставляет планеты вертеться, лепит человека и, пока тот спит, нещадно мнёт его ребро, - такой писатель готовыми ценностями не располагает, он должен сам их создать».

Меньше всего хорошая пьеса должна быть похожа на собрание общих мест, где автор прямо называет чувство своего персонажа, без загадывания зрителю загадок, без подтекста, не давая нам возможности самим понять и почувствовать. Вот, Гуров из “Дамы с собачкой” приезжает в город, где живёт его любимая и где он надеется её встретить. Плохой писатель дал бы нам бегущую строку мыслей Гурова, где он бы сообщил, что боится старости, смерти, того, что Анна разлюбила его, что ему стыдно перед женой и грызёт вина. Плохой драматург составил бы монолог, где Гуров нам всё это откровенно рассказывает. Но Чехов описывает душевное состояние героя так: Гуров замечает серый ковёр, сделанный из солдатского сукна, и чернильницу, тоже серую от пыли, с всадником со шляпой в поднятой руке и отбитой головой.

Если вы знаете твёрдо, что небо голубое, тучи серые, листва зелёная, то это нужно забыть, как “забыли” Гоголь, а за ним Лермонтов и Толстой. Настоящий писатель отказывается от клише – он не “знает”, а хочет увидеть в первый раз, как будто только что родившись. Только так можно обнаружить, что небо на восходе солнца может быть бледно-зелёным, а снег в безоблачный день густо-синим. Заодно можно взглянуть свежим взглядом на человека, ситуацию, услышать живую речь, поймать противоречие, почувствовать чьё-то отчаяние – и так возникнет ваш собственный мир.

Набоков называл пьесу “Ревизор” шедевром - блистательным сочетанием маловыразительных частностей, вульгарностей, которые переданы через парад второстепенных персонажей - они не влияют на сюжет, но щедро рассыпаны почти на каждой странице, их порождает синтаксис автора. “Сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...” - они так и не появятся на сцене. И это тоже взорванный шаблон, антиклише – мы давно знаем, чего стоят якобы незначачие упоминания: в нормальном сериале случайно упомянутый скоро появится, чтобы поменять историю. «Знаменитый драматург как-то заявил, что если в первом действии на стене висит охотничье ружьё, в последнем оно непременно должно выстрелить, - пишет Набоков, - Но ружья Гоголя висят в воздухе и не стреляют».

Может быть, лучший способ убить клише в своих текстах – это представить себя ребёнком, подростком, который ещё ничего не знает про ружья, не видел, не подозревает, для чего они.

ИСТОРИЯ ДЕТСТВА

Здесь хочется немного нырнуть в историю. Начнём с того, что детству как таковому всего несколько веков. Взросление наступало быстро – с 7 лет,

офицеру гарнизона Гринёву, к примеру, 16 лет, стрелку шотландской гвардии Квентину Дорварду 15 лет, ну и Д'Артаньяну 17, а замуж девочку могли отдать лет в 10. В конце XIX века на Западе признали, что ребёнок нуждается в детстве, под влиянием церкви выделили запретные темы, и тогда впервые возникает "детство" - детская комната, игрушки, книги. Ну и детский труд в Англии ограничили, права ребенка прописали.

Открытие детства как художественной темы, ребёнка как героя принадлежит "взрослой" литературе и, как считают некоторые исследователи, романтикам рубежа XVIII-XIX веков. Только с первыми шагами романтизма детская литература Англии перестала быть чем-то, что существует для поучения или забавы ребёнка (как в пуританской и просветительской детской литературе), и стала делом художника.

ДИДАКТИКА

Общение сверху вниз оставалось в литературе – для детей вплоть до 60-х годов XX века, когда наступила эра телевидения, а иерархия в отношениях между взрослым и ребёнком стала размываться. Тогда и появляется новая литература для детей – но не в СССР, у нас дидактика пережила смерть империи и спокойно перешла в 21 век. К счастью, лучшие книги старались никого не поучать.

Что плохого, спросите вы, если литература поучает? И если задать вопрос шире – разве не задача искусства развлекать нас, поучать, воспитывать, разве не берёт на себя искусство такую вполне утилитарную функцию? Берёт. Да, искусство может воспитывать, поучать, пропагандировать, даже убивать – мы помним, как много хорошего для распространения фашизма сделали талантливые фильмы Лени Рифеншталь и как помогало воевать стихотворение Константина Симонова "Убей его!" Искусство много чего может, и может быть абсолютным злом. Но главное его предназначение, то, ради чего оно и появилось как деятельность – это структурирование хаоса. Жизнь – абсолютный пугающий хаос, и нам нужно искусство, чтобы свести причины и следствия, установить эти связи, навести порядок, создать из хаоса космос. Нам нужны все эти истории, устные, письменные, нарисованные, музыкальные, чтобы увидеть смысл.

Юрий Лотман писал: «Искусство – не «летом вкусный лимонад», а возможность пережить непережитое, возможность приобрести опыт там, где нет опыта. Ведь жизнь нам практически не даёт опыта, потому что мы не можем второй раз переиграть жизнь. Искусство есть вторая деятельность и огромная вторая жизнь, огромный опыт. Оно расширяет наши возможности. Искусство причастно нравственности. Оно не совпадает с ней, но имеет с ней очень важную общую черту: нравственность всегда выбор, то есть всегда эксперимент. Там, где нет эксперимента, там нет выбора. Где нет выбора, там нет нравственности, тем есть только механическое машинное поведение».

Так вот, дидактика – это когда нет выбора, а где нет выбора, там нет жизни, это просто схема, механическое поведение. Поэтому чем больше

дидактики в пьесах – тем они слабее, менее художественные, более мёртвые.

Ещё Лотман: «Нравственную силу искусства часто понимают очень поверхностно. Обычное представление такое: человек прочитал хорошую книгу – и стал хорошим, человек прочитал книгу, где герой поступал плохо, и он стал делать плохо. И мы говорим: «эти книги детям не давайте – они опасны», «плохие книги лучше не читать». Это приблизительно то же самое, что не делать людям прививок или же говорить: не знайте, что такое плохие поступки, а то вы начнёте их делать. Незнание никого никогда не спасает. Сила искусства в другом: оно даёт нам выбор там, где жизнь выбора не даёт. И поэтому мы можем полученный в сфере искусства выбор перенести в область жизни – так же, как мы делаем с прививками».

О ЧЁМ ВАЖНО ГОВОРИТЬ СЕГОДНЯ

Что сейчас, в современном мире, важно увидеть в книгах/пьесах/фильмах для детей и подростков? Как изменилось время? В каком мире мы живём и как говорить с детьми? Что дети и подростки хотят читать/смотреть? Об этом хорошо и подробно рассказывает искусствовед Павел Руднев, мне посчастливилось послушать его, и я даже какие-то обрывки его тезисов в вольном пересказе поймала в телефон, делюсь с вами:

- Злой юмор про законы взрослого мира
- Антиутопии
- Киберпанк
- Скорость передачи инфы
- Разрушается граница между взрослым и ребенком
- Сомнение в праве воспитывать ребенка
- Чувство вины взрослого
- Не модно говорить сверху
- Ушло “мимими”
- Исчезла сексуальная тайна
- Границы инициации нет
- Нет верхней границы образования
- Всё меняется каждый год
- Бесконечный доступ к самообразованию
- Взрослый более автоматичен, чем ребенок
- Ребёнок должен принять ответственность за взрослого
- Мир взрослых как хаос
- Восстание детей
- Не встроиться, а изобрести новый мир

И всё это можно найти в современных книгах для детей и подростков, фильмах, комиксах, спектаклях - они уважают детей и взрослых, непредвзято смотрят на проблемы современного общества, поднимают серьёзные социальные темы и вопросы религии, воспитывают терпимость к иному образу жизни, мнению, ценностям – ведь мы живём в эпоху тесного сосуществования совершенно разных людей, культур.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦЕСС

Пожалуй, ярче всего изменение дискурса можно увидеть на примере эволюции диснеевских принцесс. Белоснежка, Золушка, Аврора – милые, похожие друг на друга девушки с тонкими талиями и длинными конечностями, и на этом всё. Ну, то есть, пассивные и липкие куклы, которые способны только ждать, когда принц их спасёт – ни чувства юмора, ни характера, ни харизмы, только серая милота. Кстати, пару лет назад в России вышел анимационный фильм про новых бременских музыкантов, где была именно такая архаичная принцесса – к слову об уровне развития российской массовой анимации.

Так вот, возвращаясь к Диснею: начиная с 80-х годов появились новые принцессы - разные, похожие на реальных девушек, смелые, они не дают себя в обиду и умеют учиться на своих ошибках. При этом нежные, иногда ранимые, могут ошибаться, как и все живые люди. Самое главное – они сами могут навести порядок в своей жизни. Белль из «Красавицы и Чудовища» осаживает хамоватого Гастона, а Жасмин из «Аладдина» кричит отцу, что она не какой-нибудь там трофей, чтобы без её ведома выдать её за кого-то замуж. Ну и большой прорыв - китайка Мулан: она едет воевать, и боец из неё выходит покруче других. Все эти новые принцессы (в том числе Мерида из «Храброго сердца», Анна и Эльза из «Холодного сердца», Рапунцель из «Рапунцель: запутанная история») больше не заиклены на романтической любви, а имеют другие цели – и это важный мессидж девочкам и мальчикам: имейте свои цели и идите к ним. Моана, так, вообще показала нам, что можно стать супергероем, когда сильный парень рядом с тобой сдался. Моана, кстати, первая диснеевская принцесса с обычным телом – без неестественно тонкой талии и длинных конечностей.

Но даже с учётом всей этой трансформации принцесс, в них стали наряжаться гораздо реже. На карнавалах и Хэллоуинах теперь лидируют супергероини – Харли Квин, Супергёл, Чудо-женщина – настоящая революция.

ЛИЛО И СТИЧ В КИНОТЕРАПИИ

Анимационные фильмы вроде “Лило и Стич” делают для здоровья общества больше, чем все назидательные плакаты, воспитательные мультики и благие намерения православных депутатов вместе взятые.

В нашем реальном мире мы видим, где лежит граница между миром семьи и внешним миром. И эти предписания, спущенные сверху, могут быть уже мёртвыми, устаревшими, жизнь требует новых границ, и на это реагирует искусство – оно помогает установить новые границы или сделать мягче существующие. Система давит на сестру Лило, которая с трудом справляется с воспитанием этой маленькой бунтующей девочки. И система не права, очевидно, что и семья теперь – это не только привычная модель, что есть вот такие семьи нового типа, и к ним нельзя подходить с той же меркой.

“Лило и Стич” можно использовать и совсем в практических целях: все участники процесса, все персонажи, испытывают гнев и по-разному с ним справляются – это энциклопедия агрессии. Злость, ненависть, раздражение, брезгливость, агрессия на себя и другого, злость из-за страхов, злость из-за рухнувших надежд – тут есть на любой вкус. И на примере ситуаций из мультфильма мы можем потренировать с детьми наши способы справиться с гневом.

Этот мульт помогает нам осваивать новые паттерны поведения, в том числе гендерные, и если про девочек мы уже поговорили на примере принцесс, давайте поговорим о мальчиках.

Доктор Джамба очень обеспокоен своей мужественностью, поэтому хочет создать совершенное существо – колючее, злое, но “эксперимент 607” вышел пушистым шалуном. Когда Стич попадает Лило, она решает воспитать из него настоящего мужчину на свой лад: учит его носить неудобные костюмы, танцевать, ухаживать за дамами. Но ничего путного из этого не выходит: Стич печет торты, стирает, а потом они с Лило пляшут хулу и летают на звездолетиках – что-то гендерно нейтральное. Стич отказывается от эталонов псевдомужественности: «Я хочу быть пушистым», - кричит он Джамбе. И самое главное – открытость Стича миру переживаний: он не стесняется показать свои чувства, выразить симпатию, и это помогает ему справиться с гневом.

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЬИ

Что важно отметить, анализируя современную анимацию для детей – теперь нет призыва к бунту, есть призыв к семье (та же Моана не бунтует, а спасает свой народ, свою семью). Романтическая любовь уходит в тень, зато семейные и родственные связи выходят на первый план. При этом понятие семьи расширяется – это сегодня не только кровные родственники, но и люди, близкие по духу, даже внеземные. Мы ясно читаем общегуманистический посыл, пришедший к нам из большой литературы или даже из религии – узнай себя в другом.

ТАЙНА ГРАВИТИ ФОЛЗ

Давайте рассмотрим популярный анимационный сериал для детей и подростков “Гравити Фолз”, в чём его секрет успеха и о чём создатели с нами говорят.

- Нет остро положительных или остро отрицательных героев – всё как в жизни. Взрослые тоже лажают, они не боги.
- Традиционные для научной фантастики темы: эффект бабочки, перемещение сознания, клонирование. Герои успевают побывать в прошлом и будущем, путешествуют в микромире и в сознании дяди Стэна, меняются телами, встречают динозавров, размораживают забытого президента США и вытаскивают в реальность героев видеоигр.
- Двое детей находят чудесное в обыденном: гномов и минотавров в соседнем лесу, иное измерение в подвале, призраков в игровых автоматах.

- Герои не картонные, они меняются, проходят путь. Например, Зус не просто смешной толстяк, а человек, который переборол свои недостатки, стал смелее. Дядя Стэн не просто вороватый делец, а трагический персонаж, которого много лет мучило чувство вины и который сумел её искупить. Диппер получил много уроков и повзрослел, стал больше ценить сестру и всю свою семью.

Здесь хочет отдельно отметить мир, который должен создать автор. Этот мир должен быть тщательно придуман. Не стал бы «Гарри Поттер» такой популярной серией книг и фильмов, если бы Джоан Роулинг халтурила. И если бы этот мир не был бы таким «взрослым» - с настоящим злом, трагедией, смертью. И не стал бы Гарри Поттер кумиром, если был бы просто хорошим мальчиком, как любят графоманы. Нет, Гарри – сложный, тонкий, рефлексирующий герой, он недоволен собой, закомплексован, занимается самоедством.

ЧТО НУЖНО ПОДРОСТКАМ

Искусство для подростков должно передавать весь этот ад, когда общество, государство и родители хотят, чтобы ты был таким же управляемым, как ребёнок, и при этом таким же ответственным, как взрослый. А у тебя гормональная перестройка, скачки настроения, тебе кажется, что ты немного ку-ку, и так будет всегда. К тому же тебе попало не самое лучшее время в не самой прогрессивной стране. Как пишет психолог Людмила Петрановская, «они старались – книжки читали, курить не начинали, ЕГЭ сдавали, учились одеваться и улыбаться, говорить на английском и писать коды. Но постепенно становится все яснее, что как ни старайся, а впереди подчистую выжранная саранчой поляна, намертво заржавевшие социальные лифты и завидная перспектива поддерживать любимых стариков в стране без медицины и пенсий. Но зато есть возможность приложиться к мощам. Или взять штурмом фанерный Рейхстаг.»

Все истории взросления будут подросткам очень полезны, да и не только подросткам – в наше время мы все подростки и все продолжаем взрослеть.

Сериал «Стыд» («Скам») рассказывает о жизни норвежских подростков с документальной точностью, при этом подняты такие важные темы, как слатшейминг, расизм, гомофобия и травля на религиозной почве. В переписках решаются вопросы жизни и смерти – всё, как в жизни, да и всё там без прикрас, и это вызывает доверие. Что особенно нравится многим зрителям, актёры от имени персонажей общаются с каждым желающим в твиттере, ведут прямые эфиры. Главный посыл сериала очень прост – будь собой и позволь другим быть такими, какие они есть.

О ПРОТИВОРЕЧИИ И КОНТРАСТЕ

И снова хочется вернуться к тому, чем хорошая пьеса отличается от плохой. В плохой пьесе (кино, книге) всё будет логично, чёрное чётко отделено от белого, хорошие герои так и останутся хорошими, а плохие плохими. В представлении автора такого произведения правда одна, и

только одна, именно поэтому Гоголь-проповедник не смог больше писать: вступающий на стезю морализаторства уходит из искусства.

Настоящее же произведение искусства всегда содержит противоречия, потому что противоречива сама жизнь: Гитлер неплохо рисовал, философ-гуманист Жан Боден писал трактаты против ведьм (Ренессанс был временем, когда истерия по поводу ведьм достигла кульминации). Противоречия – это не про отсутствие мотивации в действиях персонажа, не про слабую структуру произведения, а про объём персонажа, его разные грани, его глубину. И про парадоксальные, но в логике характера, поступки.

На картине мы видим красавца, у него умное, почти рыцарское лицо, но он – карлик, шут, потому что Веласкес рядом с ним собаку, и она такого же роста. Художник использует контраст, мир и прекрасен, и ужасен; и красив, и отвратителен. Этот мир противоречив. «Искусство – его противоречие – всегда для нас неизвестный язык, - говорит Лотман. - Мы вступаем в мир, где говорят на языке, который мы можем выучить, но который мы ещё не выучили. И всегда для нас первое чувство – «непонятно», и это нас раздражает».

Гуров в самый романтический момент ест кусок арбуза, грузно усевшись и чавкая – дело даже не в том, что так свидания в то время не описывали, это уже было разрушение шаблона, а в том, что мы снова видим этот контраст, который и есть жизнь – прекрасная и ужасная одновременно. И Чехов замыкает этот круг, когда в ответ на нежную откровенность Гурова (“Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!”), приятель отвечает: “А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!”

Как добивается ощущения отчаяния Кафка? Накапливая энтомологические черты Грегора, давая нам почувствовать себя в его оболочке насекомого, Кафка раскрывает его нежную человеческую душу. Сцена, в которой слабый человек слушает музыку воздействует не так, как когда музыку слушает насекомое, монстр. Контраст грубой формы, животного воплощения, и человеческого сознания, контраст его жизни насекомого и его человеческих переживаний за сестру и родителей делает трагедию максимально острой, невыносимой. Грегор трогательно бьётся, пытаясь вырваться из этого абсурдного мира, в котором его семья вдруг превратилась в монстров, он хочет вернуться в мир человеческих существ – и погибает в отчаянии.

В заключение я бы хотела поделиться своими любимыми книжками и фильмами для детей и подростков, чтобы они служили образцами, чтобы помогли не снижать планку.

ЧИТАТЬ И СМОТРЕТЬ

Для подростков:

- Фильм “The Breakfast Club”
- Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

- Вск книги Ульфа Старка
- Голявкин «Арфа и бокс»
- Фильс «Общество Мёртвых поэтов»
- Харпер Ли «Убить пересмешника»
- Фильм «100 дней после детства»
- Анника Тор «Правда или последствия», «Остров в море» (Швеция)
- Тод Штрассер «Волна»
- Мария Ботева «Мороженое в вафельных стаканчиках», «Школа на спичке», «Место празднику» (Россия)
- Энн Файн «Мучные младенцы» (Великобритания)
- Сью Таунсенд «Тайный дневник Андриана Моула» (Великобритания)

Для детей:

- Фильм «Хористы»
- «Тайна Коко»
- «Храброе сердце»
- «Холодное сердце»
- «Моана»
- «Головоломка»
- Крис Хиггинс «Моя весёлая семейка» (Великобритания)
- Роальд Даль – все книги (Великобритания)
- Госсини-Сампе – все истории про малыша Николя (Франция)
- Мони Нильсон – все истории про Цацики (Швеция)
- Мария Бершадская – цикл про Большую маленькую девочку (Россия)
- Нина Грётведт «Привет! Это я...» (Норвегия)
- Гудрун Мебс «Воскресный ребёнок» (Германия)
- Вольф Эрльбрух «Дрозд фрау Майер», «Утка, смерть и тюльпан», «Леонард» (Германия)
- Кейт ди Камилло «Удивительное путешествие кролика Эдварда», «Как слониха упала с неба», «Приключение мышонка Десперо», «Флора и Одиссей», «Спасибо, Уинн-Дикси» (США)
- Гюс Кёйер «Книга всех вещей» (Нидерланды) – автор родился в 1942 году и дебютировал в 1975
- Мария Парр «Соня Глиммердал» (Норвегия)